

А. Л. Худобородов, М. А. Яшина
РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
В ОТНОШЕНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
(1920—1930-е гг.)

A. L. Hudoborodov, M. A. Yashin
REPRESSIVE SOVIET POLICY AGAINST RUSSIAN
ORTHODOX CHURCH (1920, 1930)

В статье исследуются предпосылки, ход и результаты репрессивной политики советского государства против русской православной церкви в 1920—1930-е годы. Особое внимание уделяется карательной деятельности ВЧК—ОГПУ—НКВД в отношении религии и духовенства. Привлекается местный уральский материал для раскрытия темы исследования, в том числе используются документы архивов и интернет-ресурсы.

Ключевые слова: *религия, Русская православная церковь, карательные органы, репрессивная политика, атеизм, антирелигиозная политика, атеизм, антирелигиозная пропаганда, митрополит, священнослужители.*

This article investigates the prerequisites, course and results of the repressive policies of the Soviet state against the Russian Orthodox Church in the 1920s-1930s. Particular attention is paid to the punitive activity of VCHK-OGPU-NKVD in regard to religion and the clergy. Draws local Ural material for disclosure of the research topic, including documents from the archives and online resources.

Keywords: *religion, the Russian Orthodox Church, the punitive organs, atheism, anti-religious politics, atheism, the Metropolitan.*

В становлении и развитии российской цивилизации исключительная роль принадлежит Русской православной церкви. На протяжении столетий ее отношения с российским государством складывались противоречиво и неоднозначно. Особенно сложный, а нередко и конфликтный характер были взаимоотношения церкви и советского государства, в частности, в 1920—1930-е годы, когда государство открыто проводило репрессивную политику в отношении Русской православной церкви (РПЦ).

В данной статье ставится задача — показать основные направления репрессивной политики советского государства против верующих и духовенства в исследуемый период, привлекая, в частности, материалы уральских архивов и интернет-ресурсы.

Партия большевиков, став правящей с октября 1917 г., всегда подчеркивала непримиримость коммунистической и религиозной идеологии. Религии и церкви не было места в будущем социалистическом обществе, построенном на принципе воинствующего атеизма.

С первых месяцев советской власти стала проводиться антирелигиозная политика, включающая репрессивные меры. В эту деятельность были вовлечены наркоматы юстиции, финансов, внутренних дел, просвещения, партийные и советские органы, в том числе Антирелигиозная комиссия ЦК ВКП (б).

Во-первых, подрывались экономические основы деятельности РПЦ. Этому способствовало изъятие церковных ценностей в период массового голода 1921—1922 гг. Религиозные общества лишались прав юридического лица. Это приводило к тому, что религиозная деятельность попадала под закон о частном предпринимательстве, что привело к резкому повышению налогообложения: в 1930 г. священники платили в казну $\frac{3}{4}$ своих «нетрудовых» доходов, для них сохранялась высокая кварплата и другие ограничения.

Во-вторых, церкви и религиозным обществам запрещалась религиозная пропаганда, на собраниях верующих не могли обсуждаться актуальные политические, экономические, социальные вопросы.

В-третьих, из школ и всех учебных заведений СССР исключалось религиозное воспитание и образование, родителям запрещалось религиозное воспитание своих детей.

И все же главным органом репрессивной, карательной политики советского государства по отношению к Русской православной церкви стала Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК—ГПУ—ОГПУ), созданная декретом Совета народных комиссаров от 7(20) декабря 1917 года.

В. И. Ленин, председатель Совнаркома РСФСР, говорил о роли ВЧК: «Без такого учреждения [как ВЧК—авторы] власть трудящихся существовать

не может, пока будут существовать на свете эксплуататоры...», «Это то учреждение, которое было нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас»¹.

ЦК РКП(б) уделял большое внимание личному составу чекистов, стараясь направлять на работу в ЧК лучшие свои кадры. Бессменным руководителем ВЧК оставался видный член партии большевиков Ф. Э. Дзержинский. В первые месяцы своего существования Чрезвычайная комиссия обладала лишь правом предварительного следствия. После принятия декрета СНК «Социалистическое отечество в опасности» в феврале 1918 года чекисты получили право применять оружие без суда и следствия (вплоть до расстрела на месте). ВЧК превращается из скромной следственной комиссии в грозный судебный орган советской власти. До этого все оконченные следствием дела из ВЧК передавались в революционный трибунал для вынесения судебного решения. «Законное» начало внесудебных репрессий было положено.

В статье, в опубликованной газете «Новая жизнь» от 8 июня 1918 г., Ф. Э. Дзержинский раскрыл механизм принятия таких решений: «Мы судим быстро. В большинстве случаев от поимки преступника до постановления проходят сутки или несколько суток, но это, однако, не значит, что приговоры наши не обоснованы. Конечно, и мы можем ошибаться, но до сих пор ошибок не было. Почти во всех случаях преступники, припертые к стене уликами, сознаются в преступлении, а какой же аргумент имеет больший вес, чем собственное признание обвиняемого?»².

Следующий критерий виновности обвиняемого определил член коллегии ВЧК М. Лацис: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал словом или делом против Советской власти. Первый вопрос, который вы ему должны предложить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования, профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого»³.

Уже в середине 1918 года на местах действовало 40 губернских и 365 уездных ЧК⁴, данные органы были сформированы и в Красной Армии, и на транспорте, и на государственной границе. В борьбе с «врагами Советской власти» участвовало множество карательных инстанций — территориальные и транспортные управления ВЧК, региональные органы Революционного трибунала, особые отделы воинских частей, следственные комиссии. Зачастую репресслируемые этими учреждениями люди были малограмотные и путали между собой⁵.

В отношении религии и церкви ВЧК осуществляло карательную деятельность по следующим направлениям.

В 1921 году ВЧК приняла решение о вербовке среди духовенства осведомителей, пользуясь «жадностью, честолюбием и запугиванием духовенства»⁶.

В 1922 году ВЧК реорганизован в ГПУ, при котором создан IV церковный отдел секретного отдела.

Все религиозные организации взяты под тотальный контроль.

В 1921—1922 годах Россию охватил небывалый в истории голод в 35 губерниях с населением 90 млн человек⁷. Руководство советского государства использовало этот голод в политических целях.

23 февраля 1922 года издан декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей для нужд голодающих. Власть сознательно использовала вопрос о церковных ценностях для того, чтобы начать мощную антирелигиозную кампанию. В пользу государства изымались принадлежащие церкви предметы из драгоценных металлов и камней, что вызвало сопротивление представителей духовенства и части прихожан.

Революционные трибуналы квалифицировали противодействие изъятию церковных ценностей как контрреволюционную деятельность. Среди обвиняемых были священники, профессора, учителя, студенты, рабочие⁸.

На заседании Политбюро ЦК в марте 1922 года по предложению В. И. Ленина был принят план Л. Д. Троцкого об арестах Синода и Патриарха, как главных сторонников сопротивления незаконных изъятий. И уже через несколько дней начались допросы Патриарха Тихона. Его вызвали в ГПУ на Лубянку, где дали прочесть официальное уведомление о том, что правительство требует от него признания законности советской власти.

На Урале с сентября 1919 г. началось радикальное реформирование системы мест лишения свободы, в структурном отношении сохранявшей многие черты старой, сложившейся еще в начале XIX века⁹.

Нововведения начались со смены названий уральских пенитенциарных учреждений. С них убрали прежние вывески, так как слово «тюрьма» было объявлено символом царского режима. Под новым названием действовал «Екатеринбургский исправительный рабочий дом № 1»¹⁰.

К концу 1924 г. в тюрьмах и лагерях побывало около половины всего российского епископата — 66 архиереев. Общее количество репрессированных церковных деятелей в 1921—1923 гг. составило 10 тысяч человек, при этом был расстрелян каждый пятый — всего около 2 тысяч¹¹. Все репрессированные делились на 2 категории. Осужденные по первой категории приговаривались к расстрелу, осужденные по второй категории — к заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет. В каждой области и республике устанавливался свой лимит по первой и второй категориям, подлежащих репрессии. Приговоры выносили специально созданные в каждой области Тройки, в состав которых входили начальник областного управления НКВД, первый секретарь обкома ВКП (б) и прокурор области. Приговоры выносились заочно.

В 1920-х годах всё духовенство и члены их семей были лишены избирательных прав и фактически поставлены вне закона. Местные власти часто пользовались этим, и на местах в отношении духовенства и верующих мирян царил полнейший произвол. Лишение служителей религиозных культов гражданских и избирательных прав было особым методом их политической изоляции, что в

дальнейшем открывало широкие возможности для применения массовых репрессий. Так, в циркуляре Президиума ЦИК, адресованном 26 сентября 1924 г. всем Окрисполкомам, указывалось, что «служители культов лишены избирательных прав постольку, поскольку в настоящее время занимаются служением культуре и извлекают нетрудовые доходы. Если же служители религиозных культов отказываются от своей должности, совершенно порывают связь с церковной иерархией и переходят к производительному труду, то нет препятствий к восстановлению их в правах гражданства».¹²

С 1929 г. РПЦ была объявлена «кулацко-нэпманской агентурой», которая «мобилизует реакционные и малосознательные элементы в целях контрреставляционной на мероприятия Советской власти»¹³.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 24 января 1929 г. «О мерах усиления антирелигиозной работы» прямо отмечалось, что «религиозные организации... являются единственной легально действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы». Заявления священноначалия РПЦ о лояльности власти пропаганда представляла как прикрытые подлинных антисоветских настроений и действий со стороны церковников.

Нельзя сказать, что народ не сопротивлялся гонениям на РПЦ. Около 14 % крестьянских бунтов того времени имели первопричиной закрытие церквей. В правительственные инстанции хлынул поток жалоб на притеснения, которым подвергалась Церковь. Если в 1928 г. их было 2861, то в 1929 г. уже 5242, в 1930 г. число жалоб достигло огромной цифры — 17 637, в 1931 г. оно тоже было большим — 12 350, в 1932 г. их число уменьшилось до 6355, в 1933 г. — до 4808, в 1934 г. — до 3229¹⁴.

По количеству жалоб можно проследить интенсивность гонений: в годы наиболее сильных репрессий против РПЦ число жалоб резко увеличивалось, а во время относительной стабилизации сокращалось. Жалобы подавали, несмотря на огромную опасность, ведь за них людей часто отправляли прямо в концлагеря.

В период перехода к форсированной индустриализации в конце 1920-х — начале 1930-х гг. решался ряд вопросов. Первый — репрессии против «кулаков» и «вредителей», «контрреволюционеров». Второй — мобилизация средств на индустриализацию. Вот здесь и возникает ГУЛАГ, который решает эти проблемы. С одной стороны, «кулаки» и прочие «враги народа» будут арестованы, появятся миллионы репрессированных и их надо где-то размещать, а с другой стороны — надо заниматься индустриализацией без опоры на иностранный капитал, европейские инвестиции, служившие важным источником средств на дореволюционном этапе индустриализации России. А заключенные — это дешевая и мобильная рабочая сила. Не случайно организация системы ГУЛАГа приходится на 1930 год. Именно к этому времени относится приказ ОГПУ № 131 от 25 апреля 1930 года, где звучит призыв к чекистским кадрам о записи добровольцев на руководящую работу во вновь организуемые лагеря.

Необходимость проведения индустриализации порождает потребность в миллионах рабочих, за-

нятых принудительным, зачастую рабским трудом. То есть нужны мобильные отряды контингента заключенных, которые без всяких оплат, без сложных кампаний по привлечению рабочей силы, без создания социальной инфраструктуры можно кинуть в самые «трудноосвояемые» области.

10 июня 1934 года согласно Постановлению ЦИК СССР при образовании нового союзно-республиканского НКВД в его составе было образовано Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений. Арестам подвергались «бывшие» — помещики, белые, особенно вернувшиеся в СССР — «репатрианты» — а также «кулаки», «буржуи», «торговцы», «попы и церковники» и группы интеллигенции, собиравшиеся для обсуждения литературных новинок и просто дружеских бесед. Начиная с 1929/1930 г. отдельным и весьма существенным направлением агентурной деятельности становится борьба с религиозным подпольем (незарегистрированными и неофициально функционировавшими молитвенными помещениями, нелегальными религиозными «обществами и коммунарами», «профессиональными нелегалами» из числа духовенства, возвратившимися либо бежавшими из концлагерей и ссылок). Новый виток гонений начался с 1929 года. Связано это было, прежде всего, с проведением советским государством политики принудительной коллективизации. Лидеры ВКП(б) прекрасно понимали, что если в селе не закрыть церковь и не арестовать священника, то на успех коллективизации едва ли стоит рассчитывать. Духовенство в массе своей было настроено против коллективизации, хотя открытой агитации никогда не вело. Священники понимали, что это мероприятие советской власти ввергает крестьянство в новое рабство похуже крепостного, да и вообще поставит под вопрос само существование крестьянства как социальной группы. Все священнослужители автоматически, вне зависимости от того, какое у них имущественное положение, причислялись к кулакам, которые, как известно, подвергались насильственному раскулачиванию.

Пик арестов, связанных с коллективизацией, приходится на 1930 г., но и в дальнейшем уже заведенная машина репрессий практически не останавливалась вплоть до начала войны, а наивысшего своего могущества достигла в 1937 г. Конец 30-х гг. стоит еще отметить тем, что наряду с арестами духовенства и активных мирян началось массовое закрытие храмов. Кроме того, часто тот, кто подвергся репрессиям в конце 20-х — начале 30-х годов, снова был гоним уже в 1937 г., а многие уже были взяты «на заметку» органами в 1921—1922 гг. в период активного противодействия обновленцам, когда составлялись списки заведомо «неблагонадежного» духовенства.

Схема репрессий против священнослужителей была схожа с борьбой с политическими врагами. Первым шагом было создание различных оппозиционных друг другу группировок в лагере противника, а затем следовало обвинение каждой из них по очереди в «антипартийных», «антисоветских», «контрреволюционных» и прочих настроениях. Последним шагом становился «судебный процесс» с расстрелом или ссылкой.

Перед местами лишения свободы была поставлена задача — самоокупаемость и перевоспитание заключенных в «новых строителей» общества. Впоследствии требование самоокупаемости стало означать беспощадную эксплуатацию заключенных.

11 июля 1929 года СНК СССР принял постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных». В ближайшие годы в лагеря хлынул миллионный поток заключенных, которые своим рабским, бесплатным трудом будут возводить «великие сталинские стройки».

Наиболее трагичными для страны стали 1937—1938 годы, которые вошли в историю как годы Большого террора. Репрессии были инициированы Сталиным на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б), на котором он выступил с требованием повышения политической бдительности, ликвидации идиотской болезни политической беспечности и очищения страны от остатков контрреволюции.

К примеру, процедура лишения (либо — напротив — предоставления) легального статуса со временем превратилось в мощное оружие органов государственной безопасности, умело приспособивших законодательство о культах для решения конкретных политических задач. Неоднократно осуществлявшаяся в первые послеоктябрьские десятилетия перерегистрация так называемых добровольных обществ (к коим относились и религиозные объединения), спецслужбы использовали для ликвидации организаций, дальнейшее существование которых представлялось властным структурам нецелесообразными по политическим соображениям (организации, не пожелавшие либо не успевшие зарегистрироваться в установленный срок, подлежали немедленному роспуску), а также для чистки представительных и исполнительных органов конфессиональных объединений, списков клира и причта от политически неблагонадежного элемента и одновременного внедрения своей агентуры в ряды руководства религиозных общин.

Представлявшиеся органами государственной безопасности докладные записки, информационные обзоры и т.д. играли, как правило, роль инициативных документов, имевших целью провести тот или иной вопрос через соответствующие партийные инстанции, превратив подготовленный проект в последующую партийную (а далее — советскую) директиву. Чаще всего это происходило в тех случаях, когда спецслужбы разрабатывали планы массовых репрессивных операций, на проведение которых требовалась политическая санкция. При этом органы государственной безопасности играли важнейшую роль в процессе определения контингента репрессируемых, стремясь максимально (по сравнению с партийными установками) расширить перечень «врагов народа», зачастую, именно за счет лиц духовного звания и религиозных активистов из числа мирян.

Во многих областях РСФСР в 1937—1938 гг. были проведены судебные процессы по сфабрикованным обвинениям местного духовенства в создании «единой церковно-монархической контрреволюционной организации для борьбы против Советской власти». Так, следователи НКВД по Свердловской области

обвинили обновленческого митрополита Михаила (Трубина) в том, что он «является организатором и руководителем действовавшей на Урале контрреволюционной фашистской организации церковников по линии «Обновленческой ориентации»¹⁵.

В августе 1937 г. Управлением НКВД по Челябинской области «была вскрыта и ликвидирована повстанческая организация духовенства и церковников», состав которой якобы достигал свыше 1000 участников. По делу проходило 85 человек, в том числе сектантов-баптистов — 34 человека, попов — 4 человека, монашек — 5 человек, церковно-кулацкого актива — 18 человек. Все 85 обвиняемых были расстреляны. Характерно, что подписи в протоколах допросов подделаны, что признали даже работники Федеральной Службы Безопасности через много лет, передавая копии документов членам семей репрессированных¹⁶.

О масштабах репрессий против духовенства на Среднем Урале в период «большого террора» свидетельствуют данные содержащиеся в докладной записке на имя Н. И. Ежова «Об итогах работы по ликвидации и разгрому контрреволюционных формирований и антисоветских элементов по Свердловской области за период с 1 октября 1936 по 1 июля 1938 г.» За это время в области было арестовано 651 церковник и сектант.¹⁷ Правительственная комиссия по реабилитации жертв политических репрессий в 1990-х гг. пришла к выводу, что в 1937 г. было арестовано 136 900 православных священников, из них расстреляно 85 300; в 1938 г. арестовано 28 300, расстреляно 21 500; в 1939 г. арестовано 1500, расстреляно 900; в 1940 г. арестовано 5100, расстреляно 1100; в 1941 г. арестовано 4000, расстреляно 1900¹⁸.

Результаты репрессивной политики советского государства по отношению к РПЦ к концу 1930-х годов были трагичны. Фактически РПЦ перестала существовать официально как организованная структура, на свободе осталось 3—4 архиерея и несколько священников.

Однако все эти репрессивные меры не смогли сломать религиозные убеждения и веру советских граждан. Результаты Всесоюзной переписи населения 1937 года были неожиданными для советского руководства: из 98 миллионов 400 тысяч человек старше 16 лет, проживавших в СССР, верующими себя назвали 55,3 млн человек, или более 55 %. Православными себя назвали 41,6 млн человек, т. е. 42,3 % взрослого населения, или 75,2 % из всех религиозных людей. Следовательно, около 2/3 населения страны остались верующими, из них 2/3 на селе и 1/3 в городе¹⁹.

Таким образом, богоборческая власть в СССР (государственные и партийные органы) нанесли страшный удар по Русской православной церкви в 1920-е — 1930-е годы. Однако эти репрессии не сумели разрушить религиозное сознание населения страны, а православие было и остается духовной основой российской цивилизации и в наши дни.

Примечания

1. Ленин В. И. Полное собр. соч. — Т. 44. — М.: Изд-во полит. лит-ры, 1982. — С. 327—328.

2. Цит. по: Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918—1923 гг. — М. : РИССО ; Р. S., 1990. — С. 109.
3. Цит. по: Стецовский Ю. И. История России, 1917—1940 : хрестоматия / сост. В. А. Мазур и др.; под ред. М. Е. Главацкого. — Екатеринбург : Благотворит. фонд «Урал. лицей», 1993. — С. 13.
4. Цит. по: Сырых В. М. История государства и права России: советский и современный период. — М. : Юристъ, 1991. — С. 31.
5. ОГАЧО Ф. П-77 Оп.2 Д.78 Л.38
6. ОГАЧО Ф. Р-220 Оп.4 Д.9 Л.54
7. Большая советская энциклопедия. 1-е изд. — Т. 17. — С. 463.
8. Цит. по: Лобашев А. «Верою побеждали!...» — Челябинск, 2007. — С. 71.
9. ОГАЧО. Ф. Р-421. Оп. 4. Д. 2. Л. 160.
10. Там же — Л. 175.
11. Цыпин В. А., прот. История Русской Православной Церкви, 1917—1990 — М. : Хроника, 1994. — С. 306.
12. <http://uralpress.ru/reviews/nikto-ne-dolzhen-byt-zabyt>
13. Губкин О. Русская Православная Церковь под игом богоборческой власти в период с 1917 по 1941 годы. — СПб., 2006. — С. 218.
14. Там же. — С. 301.
15. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. 1 Оп. 2 Д. 28435. Т. 1 Л. 203—205.
16. Цит. по: Лобашев А. «Верою побеждали!...» — С. 227—229.
17. Каплин П. В. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственной власти в СССР в 1927—1938 гг.: на материалах Урала : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. — Екатеринбург, 2006. — С. 209.
18. См. подр.: Яковлева А. Н. По мощам и елей. — М., 1995. — С. 94—95.
19. См. подр.: Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «Секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. — М., 1996. — С. 28—62.

Поступила в редакцию 23 июля 2011 г.

ХУДОБОРОДОВ Александр Леонидович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, культурологии, социологии и права, Челябинский государственный педагогический университет. Научные интересы: история Урала. E-mail: hiv@chelcom.ru

HUDOBORODOV Alexander Leonidovich, doctor of historical sciences, professor, head of the history, cultural studies, sociology, law, Chelyabinsk State Pedagogical University. Research interests: history of the Urals. E-mail: hiv@chelcom.ru

ЯШИНА Марина Анатольевна, аспирант кафедры истории, культурологии, социологии и права, Челябинский государственный педагогический университет. Научные интересы: религия. E-mail: kira_303

YASHINA Marina Anatolievna, graduate student of history, cultural studies, sociology, law, Chelyabinsk State Pedagogical University. Research interests: history of religion. E-mail: kira_303